

Парторг Лёва

Мой рассказ о коммуне Икор-Соцгородок начинался с утверждения, что крохотный приамурский поселок вобрал в себя еврейскую историю XIX–XX веков.

Но даже я, знакомая к тому времени с судьбами многих переселенцев, не могла представить, в какие времена и события увлекут меня герои моих рассказов, к каким именам и знакомствам приведут

Фамилия Погребицкий и история трагической гибели парторга Лёвы, запечатленная в повести М. Гольдштейна «Биробиджанцы на Амуре», не раз встречались в воспоминаниях бывших коммунаров. Семья парторга коммуны Икор Льва Погребицкого, приехавшего строить «страну Биробиджан» в начале 1932 года, состояла из 7 человек.

И.И. Блехерман вспоминал: «Очень интересная семья была в Соцгородке, они из Америки приехали, фамилия Погребицкие. Лёва у нас парторгом был в Соцгородке. Сын у него художник. У нас была общая столовая, он в ней на всю стену нарисовал картину, такую, как люди живут и работают в коммуне. А Лёва утонул в 1932 году при заготовке сена. Мы косили далеко, километров восемнадцать от Икора, на Тарабарском острове в Самаро-Орловке. Началось наводнение, вода залила все. Местные жили на чердаках, наши косари забрались на стог сена. Лёва поехал снимать их. Он хорошо умел плавать, но одет был очень грузно, я помню, ботинки зашнурованные, высокие, как сапоги, френч черный. Лодка была перегружена, Лёва выскочил и хотел доплыть до дому, недалеко было. Одной рукой он пытался поднимать выше над головой партбилет, чтобы не замочить его, и не смог выплыть. С ним в лодке были два брата Лерер, с нами из Аргентины приехали. Они не умели плавать, так и сидели в лодке, пока их не сняли. А Лёву нашли на следующий день, зацепившегося за куст. Нас было несколько человек, мы заплакали, когда увидели его с партбилетом в руке. Какие были коммунисты!

Похоронили его в Соцгородке, на сопке, но потом на это место пришли военные, заровняли все, могила не сохранилась. В коммуне были очень интересные люди, особенно пожилые. Эти, которые приехали из Калифорнии, они были все члены партии, очень преданные товарищи».

20 августа 1932 года газета «Биробиджанер штерн» напечатала некролог, а 15 сентября в этой же газете появляется заметка Моисея Гольдштейна «Погиб коммунар и большевик» с рассказом о том, как это случилось.

Это все, что тогда удалось мне узнать, и я закончила свой скудный рассказ фразой: «Какова была дальнейшая судьба семьи – неизвестно».

И кто бы мог подумать, что эти несколько строк в моей книге «Городок всемирного масштаба» приведут к знакомству с самой младшей из большой семьи Погребницких. Внучка парторга Лёвы и дочь художника Вильяма, Гита Вавиленкова, живущая ныне в Америке, рассказала о судьбе семьи и поделилась фотографиями из семейного архива.

«Пока я жива»

«Я дочь Погребницкого Вильяма Львовича и внучка Льва Погребницкого, а моя фамилия Вавиленкова Гита. Я родилась в 1930 году, к моменту написания этих воспоминаний мне исполнилось 88 годков. Это очень много, но голова моя работает хорошо. Из всей семьи, которая находилась в Биробиджане, я одна осталась в живых».

Дальнейший мой рассказ я полностью основываю на записках Гиты Вильямовны, ее бабушки Гени Львовны, коллег и учеников Вильяма, лишь иногда я буду вмешиваться в их воспоминания, чтобы придать им хронологический порядок.

Лев Погребницкий привез с собой в Соцгородок жену Геню, сына Вильяма с невесткой Розой и их троих детей: Петера, Рабина и малышку Гиту, которой не было еще и двух лет.

«Бабушка Геня родилась в Литве, в Вильно в 1878 году в большой и бедной религиозной семье, где было 14 детей. Она рано начала работать, с 12 лет на трикотажной фабрике. Это были беспокойные времена. При фабриках и заводах образовывались политические кружки. Геня со своими сестрами стали активно участвовать в одном из них, там она и познакомилась в 1900 году со своим будущим мужем, Лёвой. Через четыре года они поженились, а в 1905 году родился первенец – Билл. Их совместная жизнь была совсем не простая, сначала семья пыталась обосноваться в Киеве, но при волнениях Лёва был ранен на баррикадах и они должны были уехать».

Вот как об этом рассказывала сама Геня Львовна:

«Я вступила в социал-демократическую партию в 1901 году в Киеве. В 1903 году в Екатеринославе (Днепропетровск) за свою революционную деятельность была арестована и просидела больше года, потом меня выслали на родину под надзор полицейской жандармерии. Я скрылась и вернулась в Киев, где продолжала вести партийную работу. В начале 1905 года я работала в нелегальной гектографии Елисаветграда (после 1934 года Зиновьевск, затем Кирово, до 2016 года – Кировоград, сейчас украинский Кропивницкий. – прим.). В октябрьские дни этого же года мой муж был ранен, после чего товарищи помогли нам уехать в Одессу, а затем на пароходе за границу для его лечения. Так мы оказались в Австрии, а оттуда, не найдя общего языка с еврейской религиозной общиной, переехали в Париж. Стали посещать Плехановские сходки, а затем Ленинские кружки».

Поражение революции 1905–1907 годов вызвало большой приток эмигрантов из России в Париж, в основном бывших ссыльных революционеров, скрывавшихся от преследований и продолжающих свою деятельность из-за границы. Париж, по оценке Ленина, в это время «самый большой эмигрантский центр, где читаются постоянно публичные рефераты всех фракций, происходят дискуссии, ведутся разнообразные кружки, имеются 2-3 недурных

русских библиотеки, имеются десятки долго действовавших в партии с.-д. организаторов и т. д.»).

«Там, в Париже, и познакомились бабушка и дедушка с Лениным, его сестрой Марией Ильиничной и их близким окружением. Бабушка всю жизнь гордилась этим. Папа даже нарисовал портрет своей матери с Ленинским значком. Бабушка Геня была железной леди, она никогда об этом никому не рассказывала. О прошлом Лёвы мы знаем еще меньше, никаких документов его не сохранилось, известно лишь то, что именно в Париже произошло знакомство с Плехановым и Лениным, дедушка активно участвовал в становлении РСДРП».

В 1914 году, как выразилась Гита, «по совету товарищей», они перебрались в Америку. В чем я совершенно уверена, что перебрались не просто в поисках теплого места, а для продолжения революционной работы в коммунистической партии Америки, в деятельность которой российские революционеры, несомненно, вложили большие усилия.

«В Нью-Йорке, где семья прожила один год, уехав из Парижа, – продолжает свой рассказ Гита, – узнали, что в Нью-Джерси в 1915 году открывается Modern School. Сыну Гени и Лёвы, Биллу, моему папе, который родился в 1905 году, было уже 10 лет, он хорошо рисовал, и его с удовольствием взяли в эту школу. Лёва стал работать там же в подсобном хозяйстве, возил детей в школу, в свободное время чинил обувь. Детишки его любили за то, что он никогда на них не повышал голос, не ругал за опоздания.

Бабушка следила за всеми политическими событиями, участвовала в демонстрациях и не раз попадала в полицию. Однажды устроила скандал, не дала снять отпечатки пальцев. Об этом даже писали в газетах. Неудивительно, что в итоге оказалась в черных списках, не могла устроиться на работу».

Слово Гене Львовне:

«Во Франции я как и прежде принимала активное участие в революционной работе, не оставила ее и в Америке, куда мы перебрались позже. За что в 1929 году была арестована и пережила в американской тюрьме голодовку. После моего освобождения текстильный союз, членом которого я состояла, послал меня делегатом на Октябрьские празднества в Советский Союз. Это было для меня высшей наградой в моей жизни. Через 6 недель я вернулась в Америку и с новой энергией продолжала работать, снова была арестована, но меня это не остановило».

Мы ненадолго оставляем Нью-Джерси начала XX века и возвращаемся в 1887 год, на юг Польши, где в маленьком городке, который перестал существовать после Второй мировой войны, родилась вторая бабушка Гиты – Фаина.

«Десятилетней девочкой она оказалась свидетельницей кровавой резни, учиненной казаками, и только случай помог ей уцелеть. С тех давних пор у этой семьи свои счеты и нелюбовь к царскому правительству России. Фаня подросла, вышла замуж за Дэйвида, и они решили покинуть Польшу, переехав в Англию в 1907 году. В Лондоне у них родилось двое детей – моя мама Роза, 17 августа 1908 года и ее брат Бенн, 13 июня 1911. В 1912 году семья переехала в Америку».

Назад в СССР

В 1929 году, когда Геня, вышедшая из американской тюрьмы, побывала в Советском Союзе и воодушевилась увиденным там празднеством, в Биро-Биджан для обследования территории и решения вопроса пригодности ее для заселения евреями отправилась авторитетная комиссия «Икора». Что немаловажно, она должна была выяснить не только условия жизни будущих переселенцев, но и национальные перспективы для трудящихся евреев в Биробиджане.

Перед возвращением в Америку члены экспедиции были приняты председателем Совнаркома СССР товарищем Рыковым, который заверил профессора Гарриса, возглавлявшего экспедицию: «Что касается перспектив развития национальной культуры для еврейского населения (...), то, разумеется, основной принцип советского строя – свобода национального развития для всех народностей, входящих в СССР, – будет полностью соблюден по отношению к Биробиджану. Обеспечение национальных интересов еврейского населения Биробиджана уже заранее гарантировано соответствующим правительственным решением». («Трибуна» №21, ноябрь, 1929 год).

Геня, как и многие другие, поверив в искренность этих заверений, загорелась идеей строительства новой жизни.

«Лёва и Геня предложили нашим родителям вернуться в Советский Союз. Все, кроме мамы, знали русский язык. Конечно, она не сразу согласилась на такой поворот в жизни, тем более, что все ее родные оставались в Америке, но папа уговорил ее. Так в 1932 году вся наша семья оказалась на Дальнем Востоке». Сама Геня вспоминала, что вернулись они «в Советский Союз на постоянное жительство, с рекомендацией американской компартии».

В марте 1931 года в газете «Тихоокеанская звезда» была опубликована небольшая заметка под заголовком «Американские рабочие едут в Биробиджан»:

«Получено сообщение о прибытии в Москву рабочих евреев из Америки, направляющихся на работу в Биро-Биджан. На днях из Москвы на Тихонькую выезжают товарищи Лев Погребинский – рабочий-строитель и Филипп Эпрон. Тов. Погребинский специалист по молочному делу, окончил агрокультурную школу в Америке, и будет работать в коммуне «Икор».

Несмотря на искажение фамилий, можно с уверенностью утверждать, что речь в заметке идет о Л. Погребницком и Ф. Амроне. Она же помогает установить и точную дату их переселения. То, что Лев Погребницкий направляется не просто в Биробиджан, а именно в Соцгородок – детище Чарлза Кунца, заставило обратить внимание еще на один факт: и Погребницкий, и профессор Кунц – оба из Нью-Джерси. Думаю, что это неслучайное совпадение, скорей всего знакомство этих единомышленников началось задолго до этого переезда.

Следом, как и было запланировано, переехала остальная семья. В альманахе «Икор» за октябрь 1932 года значится, что семья Погребницких в количестве 6 человек по направлению «Икора» отправлена в Биробиджан. В списке также фамилии уже знакомых нам коммунаров: Коваль, Цукерман, Амрон, Беккер, Эдлин, Дон.

«А потом, в августе, произошла трагедия, – утонул Лёва, что было огромным потрясением не только для семьи, но и для всего населения коммуны. Но беда не приходит одна – Билл заболел малярией, сильное наводнение погубило весь урожай, кругом сырость, мошкара, скудное до сих пор питание предвещало перерасти в настоящий голод. В одной из семей коммунаров при наступающих холодах и

отсутствии врачебной помощи умерла девочка. Все это вместе привело к тому, что наша семья 1933 году решила покинуть Соцгородок. В Москве нас шесть человек – троих взрослых и троих детей – поселили в пятиметровую комнатку около чердака, на Стретенке в Сухаревском переулке. Детские раскладушки днем убирались на чердак. Наша бабушка Геня Львовна была знакома с Марией Ильиничной Ульяновой, и та помогла нас, детей, оформить в детские дома. Старший брат Петер был определен в городской детский дом, а я и Рабин оказались в детском доме имени Крупской. Там мы заговорили по-русски.

В 1936 году мы вернулись к родителям. Мальчики пошли в школу, а я осталась дома с бабушкой. В 1937 году нам дали ордер на большую комнату на Четвертой Мещанской улице, где жило еще девять семей, это было таким счастьем! В этом же году я пошла в школу».

Геня Львовна с 1934 года, за исключением лет эвакуации, жила на даче в поселке персональных пенсионеров на станции «Заветы Ильича» Северных железных дорог.

А потом началась война, нелегкие годы эвакуации. Забегая вперед, скажу, что на фронте в 1944 году погиб Вильям Львович.

«Гибель отца сильно повлияла на бабушку Геню. Она полгода находилась в психиатрической больнице. Летом пришла в себя, и мы с ней уехали на дачу. Последние дни бабушки прошли в интернате, она просила работников Собеса перевести ее в дом престарелых, где жили партийные люди. «После смерти сына я осталась в одиночестве. Я никогда не говорила о своей работе и не работала для того, чтобы получить за это что-нибудь в жизни для себя, а только для лучшего будущего». Действительно, она в свое время отказалась от персональной пенсии для старых большевиков. Но просьбу ее не услышали. Тогда она пошла на ночь в медицинскую комнату и приняла таблетки люминала, так и заснула навечно, сидя с апельсином в руке. Директор этого интерната при известии о такой ее смерти перенес инфаркт и тоже умер».

Художник Билл

Рассказывая о жизни семьи в Америке, Гита Вильямовна упомянула, что ее родители Вильям и Роза познакомились в Modern School (Современной школе) в Стелтоне. «Папа к учебе относился с большой прилежностью. «Художник Билл» – это имя осталось псевдонимом папы на всю его жизнь».

Вот что писали люди, знавшие Вильяма и работавшие с ним, в книге «The Modern School of Stelton» («Современная Школа в Стелтоне»): «Хьюго Геллерт должен был покинуть Стелтон, и Билл Погребицкий, его протеже, занял его пост учителя живописи. Весной 1921 года было очевидно, что Билл прекрасно справляется со своими обязанностями и вдохновляет детей рисовать. Под его руководством в Нью-Йорке было организовано несколько выставок. В рисунках детей прослеживается влияние стиля Билла-модерниста. В детских рисунках видны те же тенденции. Модернисты возвращались к простоте выражения, а для детей это естественное состояние. Билл преподавал живопись, не навязывая детям свое понимание и не критикуя их».

«Когда учитель, который вел уроки легкой атлетики, уехал из Стелтона, Билл Погребицкий начал проводить эти занятия...», «позже занятия легкой атлетикой заменили ритмическим танцем. Преподавательница ритмики могла приезжать в школу на уроки только по воскресеньям, поэтому решили натренировать Билла, как вести эти занятия по будням...».

«Он был замечательным человеком и прекрасным преподавателем, – вспоминал Давид Фридман. – Таких людей, как он, помнишь всю жизнь. Школа наша была в то время еще очень бедной, ему приходилось рисовать на дешевой оберточной бумаге, но все, что он делал, было прекрасно!»

Воспоминания об успехах сына оставила его мама, Геня Львовна. В четырнадцать лет Вильям поступил в Художественную Академию в Нью-Йорке, но, проучившись два года, оставил ее, несмотря на отличные успехи. «Мне мой сын сказал: «Мама, я буду вечно учиться, но не пойду в капиталистическую школу», и он действительно все время работал над собой, без перерыва. С семнадцати лет Вильям Лионович каждый год выставлял свои работы на больших выставках и всегда его работы выделялись среди других». В 1925 году работы Погребницкого пользовались особым вниманием на выставке молодых художников в Нью-Йорке.

«Будучи преподавателем в рабочей школе, где большинство учащихся были сироты, сын мой всегда для них покупал все принадлежности за свой счет, ежемесячно водил детей в кино, в музей и представлял ряд других развлечений, причем все на свой заработок, – вспоминала Геня Львовна. – В Биробиджане, он работал преподавателем рисования в Соцгородке. Он помогал всем в тяжелой работе: когда нужно было, он был за водовоза, исправлял крышу, чистил рыбу, вставал в 2-3 часа (ночи) на сенокос и где только нужна была его помощь, он всегда был готов помочь... Много раз его премировали и он каждый раз премию отдавал в пользу коммуны».

После всего этого остается добавить лишь одно: в списке иностранных специалистов и квалифицированных рабочих в Биробиджанском районе, обнаруженном в областном архиве, значится Погребницкий В. Л., маляр по специальности, прибывший из Америки и работающий в коммуне Икор в должности чернорабочего. (ОГБУ «Госархив ЕАО» Ф.138, оп.4, д.26) Комментировать этот абсурд я не берусь.

Как мы уже знаем, обстоятельства сложились так, что семья приняла решение покинуть коммуны. 16 октября 1933 года Вильям Лейбович Погребницкий получил справку, указывающую на то, что он работал в колхозе Икор пионервожатым, учителем, колхозником на полевых работах. Работу выполнял по-ударному – аккуратно и в срок. В архиве ОЗЕТа обнаружили и другие документы: справка, выданная Биллу отделом народного образования Биробиджанского района, и ходатайство ОЗЕТа перед иностранным отделом Мособлисполкома о получении семьей советского гражданства.

В Москве Вильям Львович показал свои работы, привезенные из Америки и Биробиджана, специалистам, которые оценили его безусловный талант и посоветовали поступать в Художественную Академию. Но он был кормильцем в большой семье, жизнь нужно было начинать сначала, пришлось ограничиться вечерними художественными курсами. Благо, работа нашлась близкая к специальности, в редакции газеты «Moscow News» («Московские новости»).

Судьба этой газеты и большинства ее сотрудников трагична. Создана она была как издание для иностранных специалистов, работающих в СССР, 5 октября 1930 года. Первый ее номер вышел под лозунгом «Советская власть и американская техника построят социализм». Непосредственный основатель газеты – американская «левая» журналистка Анна Луиза Стронг. В 1949 году в ходе борьбы с космополитами газета, сотрудники которой в большинстве своем были евреи, была закрыта. Анна Луиза Стронг арестована и депортирована из страны, а редактор газеты Михаил Бородин (Грузенберг) осужден по делу еврейского антифашистского комитета и умер в застенках. Так партия оценила заслуги коммуниста, стоявшего у ее истоков и всю жизнь преданно ей служившего. Не помогло, а может, усугубило дело многолетнее личное знакомство со Сталиным, которое началось в 1906 году на Четвертом съезде РСДРП в Стокгольме. Большинство сотрудников газеты расстреляли. Такая же участь постигла и семью лучшего друга Билла, с которым они вместе работали. Его самого расстреляли, жену арестовали, детей «врагов народа» отправили в детский дом. Реабилитировали только в конце 1950-х, только тогда они смогли вернуться домой. А позже младший сын покинул Советский Союз вместе со своей больной мамой. Как ни печально думать об этом, но, похоже, в Советском Союзе судьба семьи Погребницких, как и многих других, приехавших с ними, была предопределена.

Проявив геройство и мужество...

«Когда началась война, мы были на даче, – рассказывает Гита. – Первым эту новость принес нам Петя, он рано вставал и убежал на речку. От ребят он узнал, что началась война, прибежал домой и начал кричать: «Война, война, война началась!». Папа не поверил, ведь был пакт о ненападении. В этот день наша семья ждала гостей, у отца

22 июня был день рождения, он немедленно отправился в Москву, предупредить друзей о том, что встреча отменяется. Вскоре над нами начали летать вражеские самолеты, и мы вернулись в Москву.

Папа записался в ополчение. Они рыли противотанковые окопы под Можайском, когда вдруг появились фашистские танки. Отец видел, как они давили наших безоружных ребят. Несколько дней, усталый и голодный, ночами он добирался в Москву. Я помню, как проснувшись последней и не понимая толком, что происходит, я кричала, увидев папу: «Почему меня не разбудили?!». Несколько дней он приходил в себя и, как только почувствовал, что восстановился, пошел в военкомат. Сначала разносил повестки допризывникам, а потом сам добровольцем записался в ряды Красной Армии. Мы всей семьей, от призывного пункта в Марьиной роще, провозжали его до Рижского вокзала. Мама плакала: «Как я одна справлюсь с тремя детьми», папа просил ее, чтоб она не бросала его маму. В 1944 году он был зачислен в стрелковую часть № 811 и был отправлен на передовую. Мы получили от него с фронта одно письмо с фотографией в военной форме, а вскоре извещение о его гибели».

ИЗВЕЩЕНИЕ

Ваш муж, рядовой, стрелок Погребицкий Вильям Львович, в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, погиб 23 января 1945 года. Похоронен в деревне Подмошковицы, Кельнского воеводства, Польша.

«Это извещение мы получили в Москве, когда вернулись, а дальше было перезахоронение на другом кладбище; Католицкое воеводство, Олькуш, Польша, могила №46. Мы никогда не были там, но я на Стретенке в книжном магазине купила книгу «ПАМЯТЬ». В ней я нашла фамилию Погребицкого Вильяма Львовича. Эту книгу я привезла сюда в Америку.

Все свои работы Вильям Львович хранил в мастерской, на даче у матери, где и работал в свободное время, мечтал о собственной выставке. Геня Львовна писала: «В 1944 году, когда я вернулась, то ничего не нашла у себя, все было разграблено,

разгромлено и остались лишь стены. Потеря работ сына составляет самую большую мою печаль после его смерти».

Несколько работ отца хранятся в доме его дочери, Гиты Вильямовны. Главное наследство, которое оставил своим детям художник Билл – это художественный дар, которым, несомненно, они были щедро награждены.

Елена Марундик,

Израиль